Наина Величко: «Живописный мазок сродни удачно найденной рифме»

DOI: 10.37492/ETNO.2021.64.2.016

Представляем интервью с Наиной Величко, художником, дизайнером, педагогом, автором исследований по русской декоративной росписи, популяризатором русского народного искусства. Наина Величко – обладатель медали и диплома Союза дизайнеров России, участник международных фестивалей и выставок. Работала в Австралии и Новой Зеландии, Голландии, Китае, Болгарии, Франции.

Наина Величко родилась в Баку в армянской семье. Окончила Минский институт культуры. Живет в Москве с 1983 года. Автор книг «Русская роспись», «Мезенская роспись», «Роспись в стиле Лубок» и др. Помимо профессиональных достижений, Наина Величко невероятно интересная, открытая и свободная личность, человек мира и красоты.

Ключевые слова: Наина Величко, художественная роспись, художественный текст, стиль, орнамент, декоративно-прикладное искусство, художник ДПИ, историко-культурное наследие России.

***А.О.:** Наина, расскажите, пожалуйста, как вы стали художником? Семейная традиция? Зов сердца? Траектория жизни?*

***Н.В.:** В моем случае это траектория жизни. И, да, семейная традиция, хотя моя мама была учителем русского языка, а папа инженером. Но с обеих родительских сторон были художники. Папа и сам был великолепный чертежник и рисовал, и именно он приучал меня к точности линий и выставлению точек. Папина мама была музыкантом, а ее сестра-близнец – искусствоведом. И все детство я получала от них открытки*

с репродукциями шедевров, с их описаниями и рассказами о художниках. Бабушка с маминой стороны тоже владела линией и имела потрясающий глазомер, который достался и мне по наследству. Благодаря этому, я легко могу строить рисунок «на глаз». Может быть, эта особенность и привлекла меня к народному искусству. Мое воспоминание о доме – папины инструменты и мамыны книги.

В детстве по состоянию здоровья я много времени проводила дома на постельном режиме. Родители даже переехали с пятого этажа на первый, чтобы не было никаких нагрузок на больное сердце. А что делать ребенку в таком случае? Смартфонов тогда не было. Единственной радостью были цветные карандаши и альбом, и я создавала свой мир. Слово «цветы» я произнесла раньше, чем «мама». Так и рисую их с тех пор. Цветы – лучшее творение Бога.

Лет в десять, когда родителей не было дома, я как-то одним махом расписала межкомнатные двери. Вернувшись с работы, папа спросил: «Рисунок откуда взяла?». «Из головы», – ответила я. «Вот это и будет твой кусок хлеба», – пророчески заключил папа.

Профессиональным художником я стала далеко не сразу. После школы я поступала на психологический факультет МГУ, но провалила экзамен. Затем в результате семейных перипетий

Величко Наина Кареновна,
художник, дизайнер, педагог
(Москва)

Орлова Анна Юрьевна,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры культурологи,
ведущий специалист
Факультета регионоведения
и этнокультурного образова-
ния Института социально-
гуманитарного образования
Московского педагогического
государственного
университета (Москва),
ugodnikova@mail.ru

переехала в Минск и уже там поступила в Минский пединститут на филологический факультет, потом перевелась в Минский институт культуры. Мне всегда хотелось учиться, и тяга была прежде всего к чему-то прикладному. Вольнослушателем я посещала лекции Минского театрально-художественного института, бутафорское отделение, училась реставрации старинных книг при Ленинской библиотеке. А когда сидела с маленьким сыном, научилась вязать. Мне всегда важно было придумывать что-то свое, создавать, конструировать. Папа считал, что если бы я знала математику, то была бы неплохим инженером.

Но искусство – это единое поле. Живописный мазок сродни удачно найденной рифме. Мне ближе понятие «артистическая душа», когда человек восприимчив к эстетике в целом. Я одинаково наслаждаюсь словом или изображением, возможно, поэтому меня так привлекает средневековая эстетика, соединяющая текст и визуальный образ. Моя любовь к лубку также связана с этим. В русской народной ментальности слово и картинка всегда заодно. И так ли важно, пройдет ритм через слово или через орнамент?

А вот художником я стала уже на производстве. И опять же благодаря папе, который работал инженером на Ново-Каховском электромашиностроительном заводе (на территории современной Украины), конструировал электроприборы. Первая электрошашлычница у нас в стране – папино изобретение. Как-то на завод приехала группа художников из Семенова с хохломского промысла, чтоб наладить работу сувенирного цеха по росписи кожухов для шашлычниц. Набирали девушек-непрофессионалов из сел. Было это примерно в 1980 году.

Надо понимать, что в советское время работать можно было только согласно прописке и получить второе образование было фактически невозможно, как и с дипломом о высшем образовании – получить рабочую

специальность. А художники сувенирного цеха при заводе числились рабочими. А я уже жила в Минске и имела диплом. Но желание овладеть «ручной» специальностью было так велико, что я, не задумываясь, оставила Минск, приехала в Новую Каховку, и по папиной протекции мне оформили пропуск, чтобы я могла посещать эти занятия на заводе. Потом мне дали три месяца испытательного срока, без зарплаты. Цех стал моим настоящим университетом. Например, в день нужно было расписать три кожуха. Это немыслимый объем работы. И тут думаешь, как сократить операции, вплоть до того, как быстрее закрутить тюбик. В итоге меня оставили на заводе, дали зарплату и включили в группу, которая разрабатывала композиции. Я стала художником. Именно тогда я почувствовала профессиональную уверенность в себе, ощутила радость причастности к цеху.

На заводе, в отделе кадров, мне по странному случаю сделали такую запись в трудовой книжке: «Художник жостовской и хохломской росписи». Откуда появилось слово «жостовской»? Но это фактически обязало меня в дальнейшем поехать в Жостово к знаменитому мастеру Кледову и брать у него уроки.

А.О.: *На ваш взгляд, есть ли концептуальное отличие художника ДПИ от просто художника?*

Н.В.: Любой художник владеет понятиями о рисунке, композиции и цвете. Но прикладной художник «прикладывает» свое искусство к предмету, его форме и назначению. Без этого не получится целостного произведения. И потом сам материал, с которым работает прикладное искусство, заставляет с собой считаться, будь то глина, дерево, ткань или металл.

Прикладное, декоративное, орнаментальное искусство в основном работает через символы и архетипы. Тысячелетия у народов земли цветет древо жизни на всевозможных поверхностях, в любых материалах – вечная мечта об утраченном рае.

А.О.: Наина, расскажите о каких-то важных моментах из истории семьи, которые как-то принципиально повлияли на ваше становление.

Н.В.: На меня семейные традиции повлияли больше, чем что-либо другое. Несколько лет назад мне попала книжка о воспитании детей в дворянских семьях XIX века. И я вдруг поняла, что меня воспитывали точно по тем стандартам. Воспитание было довольно строгим: от умения держать осанку до необходимости нести ответственность за свои поступки. Не бояться говорить правду. Не бездельничать. Тогда в детстве я злилась на все это, но сейчас только благодарна.

В советское время не принято было афишировать дворянское происхождение, какое имели мои бабушки-дедушки. Тем более что мой дедушка Рафаэль Суренович Мусаэлян был репрессирован и пятнадцать лет провел в сталинских лагерях, а папин дядя Миша Сагян, врач, был расстрелян. В Пятигорске сохранился туберкулезный санаторий, построенный на деньги прадеда. Тогда все состоятельные люди занимались благотворительностью, это было нормой – делиться и помогать нуждающимся. К тому же революционные идеи мой прадед-миллионер воспринял как справедливые, общество хотело социального равенства. Он финансировал закавказских революционеров. Потом, правда, умер нищим на руках своего дворника...

Вся трагическая история нашей страны отразилась на семье в полной мере. Но выжить помогала неоспоримая уверенность в силе правды, умение честно и высокопрофессионально работать и делать только то, к чему лежит душа. Все это именно так, как бы пафосно ни звучало. «Делай свою жизнь аргументом своей философии» – семейный девиз.

Что еще сформировало мой «артистический» взгляд на мир?

Думаю, город Баку, где я родилась и где каждое лето до школы проводила в старинном бабушкином доме. Баку тогда был особым городом, интернациональным: русские, евреи, азербайджанцы, поляки, армяне. Росли все вместе, в одном дворе.

У бабушки была прекрасная старинная библиотека, я много читала. Это была самая верная практика добывать знания.

В 1968 году, когда папу командировали на работу в Индию, я два года училась в Баку. Все виды и запахи южного восточного города навсегда вошли в меня и питают до сих пор.

Будучи школьницей, я тайком посещала общежитие МГУ, где на журфаке училась мамина сестра. Попад в интеллигентскую филологическую среду, я была поражена свободой этих людей. Они обсуждали европейское кино, которое не было доступно массовому зрителю, книги, искусство. Впервые я услышала «другое» рассуждение об иконе. Все это оказалось другим, столичным и очень захватывающим воображение миром.

Но главное, я вдруг поняла, что все создается через мысль. Через вопрос. Через поиск ответа. Я поняла, что надо ничего не бояться. Мои голова, глаза могут сами анализировать, и не обязательно озираться в поисках подтверждения. Я поняла, что искусство связано с чувством свободы. Конечно, я тогда так не формулировала, это я сейчас, анализируя прошлое, прихожу к таким выводам.

Конечно, еще много чего...

А.О.: *Наина, вы бакинская армянка, учились в Минске, профессию получили на Украине, много лет живете в Москве, занимаетесь русским народным искусством. Какую роль играла в вашей жизни национальная тема? Сталкивались ли вы лично с проявлениями национализма?*

Н.В.: В 1914 году, во время геноцида армян, развязанного Турцией и проявившегося в Азербайджане, всю

нашу семью по бабушкиной линии спас азербайджанский купец Тагиев, спрятав в подвале дома. Если бы узнали, его бы расстреляли. И эта история хранится в семейной памяти. Поэтому для меня не существует национальности, только человек.

Традиционно для кавказских народов знание своих корней, своей истории очень важно. Папа, имея фамилию Мелик-Мартirosян, в свое время из-за политики русификации был вынужден стать Мартirosовым, но по телефону всегда отвечал: «Мартirosян слушает!». Вообще поскольку в школе в Новой Каховке я была единственная армянка, я ощущала свою особость. Если я делала что-то не очень хорошее, папа всегда говорил: «Не позорь нацию».

В школе не было проявлений национализма. Позже, когда я уже стала профессиональным художником и автором книг по русской росписи, мне частенько пеняли на мою «нерусскость».

Знаете, однажды мой сын сказал: «Я всегда буду той национальности, которую обижают». Эти слова мне очень близки. Я за равенство разных, в этом и есть красота и разнообразие мира.

Ну, а в отношении себя скажу так: наверное, я прежде всего человек. Самая моя большая боль – что люди до сих пор воюют. Мне давно хочется сделать такой коллаж: вырезать из фанеры библейские силуэты и наклеить на них вырезки из старых и современных газет о войне, о взрывах, о насилии. Ничего не изменилось. Люди живут во вражде.

А.О.: *А почему именно народная русская роспись стала для вас такой любимой и значимой?*

Н.В.: Несмотря на то что у меня нет крестьянских корней, с детства я проявляла совершенно необъяснимый интерес к народному, к ремеслам, к крестьянской культуре. Вот идем с мамой на базар, а там дядька пемзу то-

чит, а я оторваться не могу, стою, замороженная; или кто-то вяжет кисти, из лыка для побелки хаты, или корзину плетет. Я млела. В итоге даже решила, что, когда вырасту, буду плести корзины. И таки научилась.

Видимо, я родилась человеком ритма и рифмы. Мама вспоминает, что я как только научилась говорить, разговаривала рифмами и ими интересовалась: «щавель мой с бахромой», «здесь крошки – ты уколешь ножки», «мама, а «репетиция» и «птица» – это рифма?»

В моей памяти сфотографировано, как соседка Афа в Баку чай заваривала, как ковер выбивала. Причем меня интересовали и чай, и ковер, и сама Афа, ее красивые трудовые движения.

Потом в Баку меня окружали прекрасные старинные предметы. С папиной стороны у моей прабабушки до революции был большой дом, потом, когда начались уплотнения, ей оставили маленькую каморку под лестницей. Но все равно дом был наполнен старинными вещами, огромными сундуками, мебелью, медными подносами.

Уже в зрелом возрасте, когда я стала изучать русское народное искусство, я обнаружила, что все самое красивое произрастало в старообрядческой среде. Так начался мой интерес к иконе и старообрядчеству. Я собирала по крохам информацию в разговорах, в журнальных заметках. Представляете, уже позже я поняла, что три очень важные женщины в моей жизни, мои учителя, были старообрядцами.

Когда я уже работала на производстве, мне быстро стало тесно в рамках традиции. Мне не нравились многие композиционные решения и чрезмерная пестрота хохломы. Я стала экспериментировать. И вот как-то, нарисовав свою гроздь черешни, без «украшательства», вдруг я поняла, что это совсем другое. Я ушла от русской росписи, она перестала читаться. Помню свой ужас, это

что означает, что должно быть обязательно аляповато... Я пошла по музеям, стала ездить по промыслам, искала старинные образцы, знакомилась с работами мастеров. Тогда я и узнала, какая она была раньше, дореволюционная хохлома. Например, работы на белом фоне в запасниках нижегородского музея. Или какие-то нежно изысканные «Грачи» братьев Подоговых. Увидела те решения, к которым и сама пришла. Прямо как будто благословение от старых мастеров получила. Очень трудно, когда ты один. Ты не знаешь, прав ли.

А.О.: *Так почему же, на ваш взгляд, уже в советский период роспись постепенно приобретает такой тотально набивной характер, пестроту, яркость, иногда даже вычурность?*

Н.В.: Причин много. Начиная с дефицита материала, красок и заканчивая идеологией и общественным вкусом. С одной стороны, вроде все народное должно было приветствоваться, и вдруг ты понимаешь, что те образцы боговдохновенных крестьянских росписей оказались не у дел. Они были в диссонансе с идеологией, они говорили о божественной красоте мира, в них считывалась религиозная традиция. Это видно и по символике, и по сюжету. Эстетически советская власть не принимала идею божественного райского сада. Божественное вдохновение было превращено в трафарет. Даже природную форму шестилучевой снежинки превратили в пятиконечную, как звезду... Формировалась другая эстетика: более яркая, звонкая, кричащая, если хотите, вульгарная. Общая вульгаризация.

А.О.: *Актуальна ли сегодня традиционная русская роспись? Я не имею в виду китч современных модельеров и бесконечные мастер-классы типа «Хохлома за одно занятие...». Речь идет об обращении к старине за смыслом, вкусом, за попыткой саморасшифровки.*

Н.В.: Традиция росписи сегодня вполне актуальна по многим причинам, и одна из них – экологичность.

Роспись и народное искусство в целом – экологичные жанры искусства. А роспись, как язык, меняется во времени, что-то теряет, но и обретает. Главная особенность русских народных росписей – ее непосредственная связь с традицией иконописания, с библейскими сюжетами. Визуально она бывает перегружена по принципу «что в печи, все на стол мечи!». Русские люди щедрые. Как писали в старые времена, *«поверхность измечтана всею хитростию»*. Такова уж традиция.

Традиция жива, когда ее практикуют. Те, кому дорого народное искусство, изучают его, собирают, украшают им дом. Только многие путают сувенирную продукцию с подлинным народным искусством. А это разное.

В советское время промыслы существовали за счет государственных дотаций и не слишком заботились о потребителе – все равно все купят. Сейчас на всех промыслах одна и та же картина: наиболее талантливые, смело работающие мастера работают самостоятельно и делают штучные достойные вещи, где и традиция, и современность прекрасно уживаются.

В конце 1980-х годов, когда я вплотную занялась книгой о росписи, я ездила по центрам производства и смотрела, беседовала, брала интервью у мастеров. Каков итог? При виртуозном владении кисточкой совершенно нет понятия о дизайне, создаются непригодные вещи. Та самая сувенирная продукция, которую получатели потом не знают куда деть. Какие-то жуткие самовары, безумные натюрморты, портреты губернаторов, окруженные хохломой... Сейчас такие вещи не могут быть востребованы. В них всего слишком. Покупатель не знает, как это вписать в свой интерьер.

Обращение к прошлому через дизайн – это здорово! Здесь только надо глубоко изучать традицию, не идти по верхам, работая с привычным и хорошо узнаваемым. Надо наконец соединить мастера и дизайнера. На мой

вкус усложнение цвета и лаконичность могут быть актуальны сегодня.

Что меня очень удручает – это попытки обучения росписи в детском саду. Роспись – это в чистом виде каллиграфия, обучить этому малышей, да к тому же в группе, да негодными кисточками невозможно! А потому на всю жизнь остается оскомины от «народного».

Роспись – занятие интеллектуальное. Сейчас это очевидно. Городские интеллектуалы с готовностью берутся осваивать кистевой мазок, получая в придачу и чисто физиологическую радость, как от танца!

А.О.: *Ваши работы в технике лоскутной росписи очень созвучны сегодняшнему увлечению пэчворком. Как вы думаете, почему сейчас так часто обращаются к этому приему?*

Н.В.: Сегодняшняя мода на пэчворк, возможно, связана с общей спецификой восприятия. Все дробится. Наслаивается. Господствует фрагментарность. Пиксельное время. Фрагментарное сознание. Нет большого времени на что-то одно, поэтому соединение многого на одной плоскости. И это интересно, своеобразная игра, шахматная партия.

Что касается моих росписей, то я вдохновляюсь прежде всего текстильными орнаментами. Именно в текстильных орнаментах Россия преуспела как ни в каких других. Традиционные орнаментальные формы были переработаны и стали русским брендом. Например, барановские ситцы или авангард в текстиле – уникальное явление и потрясающе красиво.

А.О.: *Вы профессиональный учитель, работали в школе. Преподаватель русского языка и литературы. Сейчас вы тоже преподаете. Как лектор, как мастер. Жилка преподавательская. Что для вас быть учителем?*

Н.В.: У меня семейная традиция. Мама учитель, окончила московский пединститут. Поскольку она была дочерью врага народа, ей был закрыт доступ во все вузы, кроме педагогического. Ирония.

Наклонности были с детства, например, мама записала в своем дневнике: «Найке нравится быть полезной». Мне как раз и кажется, что учитель – это прежде всего помощник. И еще важно уметь разных людей превратить на занятии в единый организм, но чтоб каждый при этом раскрывал свою индивидуальность. В этом, мне кажется, тоже есть творчество преподавания.

Хорошо учителю иметь артистические наклонности. Не должно быть скучно. Когда я работала в школе ремесел «Возрожденная Русь», к нам приехала журналистка из Голландии. Не зная языка, она посещала занятия всех преподавателей. В итоге она выбрала меня, чтоб предложить провести мастер-классы в Голландии. На вопрос почему выбор пал именно на меня, она пояснила, что на моем уроке было весело и у меня не была застегнута верхняя пуговица на рубашке.

А вообще, надо любить и жалеть людей. Я восхищаюсь людьми, которые учатся, готовы к развитию, путешествию, имеют интерес к жизни. Каждое наше занятие я воспринимаю как праздник! И самое главное: можно чему-то научить, только если ты сам влюблен в это дело, когда и сам постоянно учишься. Научить нельзя – научиться можно.

А.О.: *Вы участвовали в проекте по созданию музея мусора. Это переход к новому материалу? Вызов? Символика?*

Н.В.: Все очень конкретно. Когда долго живешь, ты видишь, как все-все взаимосвязано. Все мои тетки и бабушки оставили наследство, в виде шкатулок-сундучков с ленточками, армянскими игольчатыми кружевами, которые плели все женщины в роду. Еще, конечно, огромный бумажный архив. И я пять лет сортировала письма и документы, кружева и пуговицы. Из всего этого я стала делать коллажи и поместила их в стеклянные витринные рамки. С этого все началось.

Моя личная философия: не мусорить. Я даже в свое время написала книжку «Трэш – Фреш», мне показалось

очень удачное название. Трэш – мусор, фреш – чистота. Я стала думать о «чистом» мусоре как об искусстве.

В свое время я узнала, что создатели музея мусора ищут художников, готовых принять участие в их проекте. Можно было выбрать свой материал, предложить свою концепцию. Так была создана комната художника из всевозможных коробок, коробочек и бутылок. Здесь совпало то, что я так люблю: обжигать, создавать что-то с нуля и жесткие ограничения по формату творчества. Судя по всему, я человек с бациллой Робинзона.

Из всего можно вырастить цветы. Распилила жуткую вещь из Городца, сделала из нее коллаж; расписала старые коробки из-под спичек, приклеила магниты и сделала новогоднюю елку, ну и так далее. Концепция такая: у тебя есть мусор, который ты можешь выкинуть, а ты его перевариваешь и делаешь на его основе что-то новое и интересное!

А.О.: *Расскажите, пожалуйста о своей Москве. У вас краеведческий интерес к городу и очевидная гражданская позиция горожанина.*

Н.В.: Для меня очень важно чувство места, дом. Я никогда не боялась города. Новый город – это как новая роспись. Надо освоить, приручить. Однажды неделю жила в Минске на вокзале. И поняла, что человеку нужно очень мало: зубная щетка, шаль, подушка, книжка, блокнот и кусочек хлеба. Все.

Как говорит мой сын-экскурсовод, «город надо смотреть ногами». Ходить, заглядывать, разглядывать.

Москву я полюбила ту, старую, 1970-х годов, когда жила и работала на Таганке. И хотя удобств не было никаких, зато я каждый день бегала по старинным ступеням и знала каждый закоулок старой Таганки, везде были друзья и свои истории. Увидела и узнала же я Москву позже, глазами сына.

Сейчас город для меня некомфортен. И не только потому, что повсеместно идут пресловутые раскопки. А потому, что так неумно, так некрасиво, так бездушно создают антиэстетическую среду, хотя местами и встречаются европейские городские оазисы. Но в целом идет надругательство над землей, над растениями.

Я не могу не возмущаться отношением власти к истории города. С одной стороны, они ратуют за привлечение туристов, с другой – не понимают, что именно настоящая история и является самым главным в самобытности города. Городу одинаково нужны и современная, новаторская архитектура, и его достойно сохраненная старина.

Вы спрашиваете, чувствую ли я себя москвичкой, скорее да, чем нет. Хотя уже давно я чувствую себя просто человеком на планете людей. За Москву бывает стыдно, особенно когда бываешь в других обветшалых русских городах. Но раз мне было жалко этот город, наверное, это значит, что я его люблю.

А.О.: Под занавес, Наина, расскажите о планах и мечтах. О том, что уже понятно, как сделать, и о том, что только возможно в перспективе.

Н.В.: Моя мечта сделать серию мультфильмов об орнаменте, как о живом существе. И о красках, и о кисточках. «Путешествие кисточки» – как и из чего и для чего она рождается. Каков характер у разных кисточек и на что способны всего несколько простейших форм-элементов, из которых вырастает все искусство. Как из одного и того же ограниченного набора кистевых мазков создается все орнаментальное разнообразие. Это ведь и танец, и спорт, и балет.

А из конкретного, мне хочется издать свои рабочие тетради в помощь художникам-прикладникам, над чем я и работаю. Скорее всего, это будет книга.

Шелковые платки с росписью Н. Величко в мезенском стиле были изготовлены во Франции как корпоративный подарок для одной организацией

Работы Наины Величко

Naina Velichko,
artist, designer, teacher (Moscow)

Anna Orlova,
Ph.D. in History, Associate Professor, Department of cultural studies, Leading Specialist, Faculty of Regional and Ethnocultural Education, Institute of Social and Humanitarian Education, Moscow Pedagogical State University (Moscow), ugodnikova@mail.ru

Naina Velichko: «A picturesque stroke is like a successfully found rhyme»

We present an interview with Naina Velichko, an artist, designer, teacher, author of studies on Russian decorative painting, and popularizer of Russian folk art. Naina Velichko is a holder of a medal and diploma from the Russian Union of Designers and is a participant of some international festivals and exhibitions. She worked in Australia and New Zealand, Holland, China, Bulgaria and France.

Naina Velichko was born in Baku to an Armenian family. Graduated from the Minsk Institute of Culture. Has been living in Moscow since 1983. The author of the books «Russian paintings», «Mezen painting», «Paintings in the style of Lubok» and others. In addition to her professional achievements, Naina Velichko is an incredibly interesting, open and free person, a person of peace and beauty.

Keywords: Naina Velichko, artistic painting, artistic textile, ornament, decorative and applied art, artist of applied art, historical and cultural heritage of Russia.